

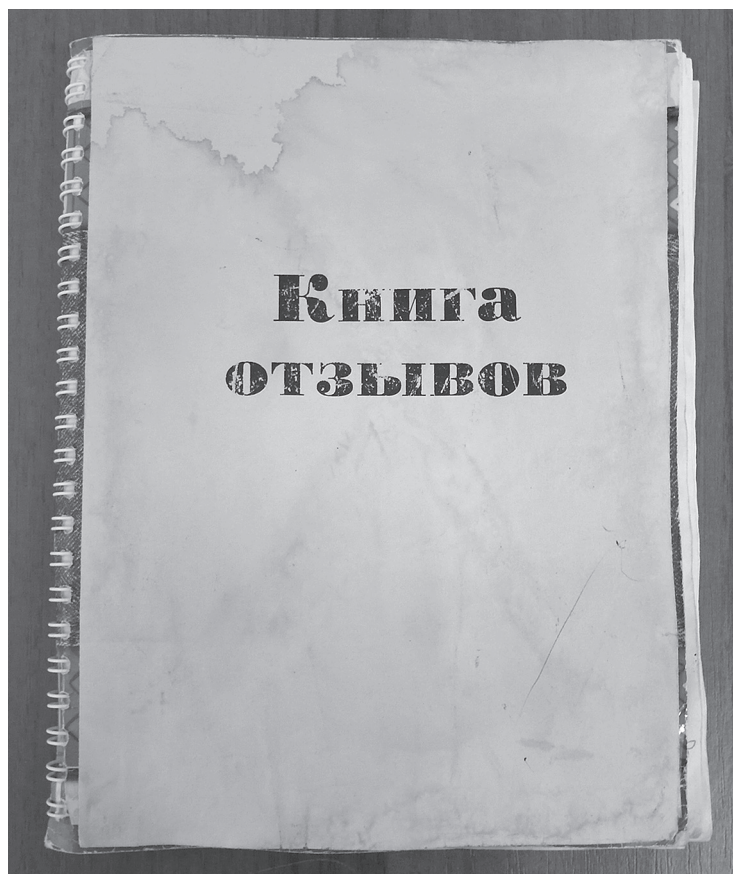
Краеведческий музей

АЛИСА
МАКСИМОВА

На фотографии, сделанной в краеведческом музее в небольшом городе на севере европейской части России, – книга отзывов на одну из выставок. Книга отзывов представляет собой общую тетрадь на пружинах. Поверх разноцветной оригинальной обложки тетради наклеена более строгая, с надписью «Книга отзывов», причем, похоже, что этот лист не просто распечатан сотрудниками музея, а отрезан от старой книги отзывов и таким образом использован повторно. Разводы на обложке и страницах указывают (а смотрительница несколько смущенно подтверждает), что книга пережила небольшое «наводнение»: лежала на столе с комнатными растениями и попала в лужу воды при поливе.

*Алиса Сергеевна
Максимова (р. 1990) –
социолог, независимая
исследовательница.*

*Илл. 1. Книга отзывов
в краеведческом музее.*

Предполагается, что посетители музея сталкиваются с книгой отзывов на выходе, посмотрев выставку, и могут выразить в ней свои впечатления. Мы же, наоборот, начнем именно с нее. Что может рассказать о краеведческих музеях этот «экспонат»?

В нем отражается ключевое для музея стремление записывать и запоминать, документировать и сохранять. Это двойная задача: здесь совмещаются и производство исторического (фиксирование информации о прошедших выставках), и бюрократический учет (обязанность регистрировать обратную связь). Книжки отзывов стали типичным атрибутом музея в советское время и по-прежнему широко, если не повсеместно, распространены. Кроме того, что эти книжки предоставляют посетителям возможность поделиться опытом просмотра экспозиции, они также вписывают конкретный музей и конкретное место в географию страны и даже мира: авторы записей, как правило, оставляют под отзывом не только дату и подпись, но и название своего города. Формат отзывов предоставляет посетителям возможность «отдаться» музею и его сотрудникам: помимо описания эмоций от посещения музея, записи чаще всего содержат благодарность за «сохранение старины», «возможность окунуться в прошлое», «красоту и доброту» и так далее. Особая материальность этой конкретной книги, сделанной из тетради, напоминает об ограниченных ресурсах и практиках экономии, приспособления, использования подручных средств для обеспечения работы музея. Волнистые страницы и пятна на них указывают на регулярно случающиеся в музейной жизни сбои и поломки. Неприятность, произошедшая с книгой отзывов, незначительна, но нечто похожее случается и с гораздо более важными объектами. Музей продолжает существовать, обладая многочисленными неисправностями, не имея возможности их устранить – точно так же, как он продолжает существовать с намоченной и высушенной книгой отзывов.

Почти в любом городе России есть краеведческий музей. С большой вероятностью вы найдете их похожими и, имея даже небольшой опыт посещения, уже на входе в любой из них будете знать, чего ожидать: там будет археология, чучела, много про Великую Отечественную войну, немного про дворянский быт и про местную промышленность. Сеть краеведческих музеев сформировалась в первой половине XX века, тогда же возникла структура их экспозиций, включавшая разделы о природе, истории и обществе. Экспозиции могли меняться, но за всеми новациями проглядывало типовое внутреннее устройство, закрепленное в первые десятилетия советской власти.

Но, помимо этой очевидной структуры, есть много неочевидных процессов, которые делают музеи именно такими, какими их привыкли видеть посетители. Далее я опишу положение

краеведческих музеев в небольших российских городах и постараюсь показать, как, несмотря на существенные ограничения и стесненные условия, им удастся продолжать свою деятельность.

В чем проявляется нестабильность и противоречивость положения краеведческих музеев?

Во-первых, музеи могут размещаться в самых разных зданиях: во впечатляющем старинном особняке, в купеческом доме, в бывшей гимназии, в избе или церкви. Музей бывает рассредоточен по городу – иногда к его ведению относятся памятники старины, которые он призван сохранять. Здания почти всегда требуют ремонта, современного оснащения или по крайней мере постоянного ухода. В некоторых случаях отведенные помещения практически непригодны для размещения экспозиции или приема посетителей: они не имеют проведенных коммуникаций или не защищены от превратностей погоды (а вместе с ними не защищены и коллекции). Иногда на здание претендует другая организация – например, РПЦ. Хотя где-то музей и церковь сотрудничают, совместно используя архитектурный объект, часто музеи считают, что «церковь забирает все, что поприличнее», и по этой причине порой опасаются реставрировать находящиеся на их балансе храмы.

Во-вторых, экспонаты музейной коллекции всегда под угрозой. Чтобы поддерживать их в надлежащем состоянии, реставрировать, оберегать от внешних воздействий, нужны труд, средства и экспертиза. В отдельных случаях коллекции музеев несут урон в ходе реорганизации, процедур переподчинения, изменения статуса и так далее. Часто в этих случаях наиболее ценные предметы передаются в более крупные центральные музеи.

В-третьих, символический комплекс, куда вписан музей, постоянно переопределяется – спрос на исторические и культурные символы изменчив, а требования разных акторов противоречат друг другу. Туристы и обслуживающие их туроператоры хотели бы больше местных легенд, интерактивных костюмированных представлений и удобных точек для фотографирования. Не менее важен для них и запоминающийся бренд места. Государство поддерживает развитие просветительских и экспозиционных проектов, посвященных либо древнерусскому периоду истории, по отношению к которому вроде бы существует общественно-идеологический консенсус, либо военным победам вообще. Негосударственные фонды могут быть более благосклонны к народным промыслам, этнографии и социальной истории. Местным жителям важно, чтобы в музее было что-то для детей, а сами они рады вспомнить советское прошлое – собственное детство или молодость. С этими разными интересами музею приходится считаться.

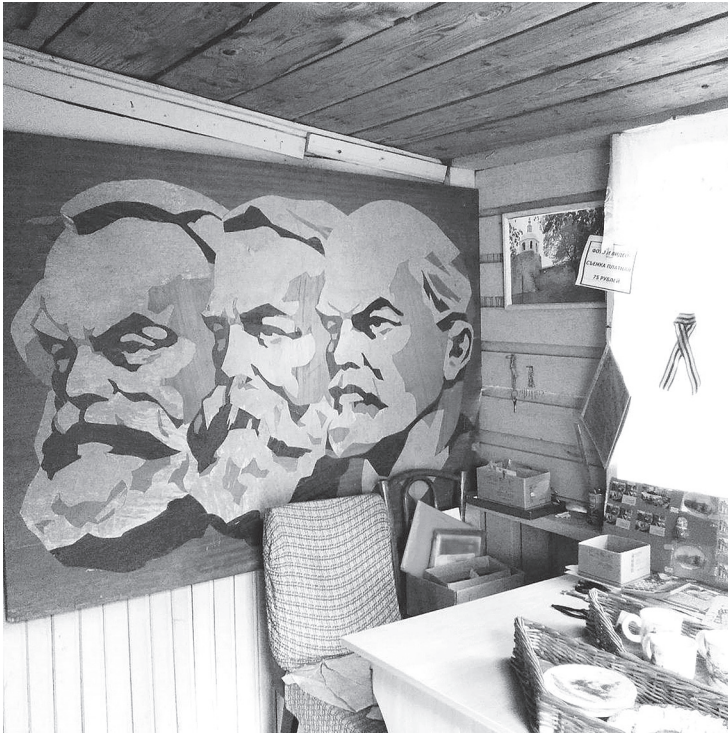
Наконец, проблему представляет то место, о котором музею предписано рассказывать, – место, прошлую и настоящую жизнь которого он должен отражать. Возможности трудоустройства, общественное внимание, молодое население – все это перемещается в одном направлении, в более крупные города. И, как считают многие жители городов малых, заодно уходят и надежды на будущее.

Краеведческие музеи подчиняются государству. Они могут иметь муниципальное или региональное подчинение, могут быть филиалом более крупного музея, расположенного в другом городе. Бюджет муниципальных музеев обычно настолько мал, что его еле хватает на текущие нужды и точно не достаточно, чтобы развиваться, открывать хорошие новые выставки, привлекать в штат специалистов. Областное подчинение дает больше ресурсов и больший вес. Из одной категории можно перейти в другую. Изменение статуса сулит лучшую обеспеченность, но в то же время грозит необходимостью демонстрировать более высокие и трудно достижимые показатели эффективности.

Краеведческий музей поддерживается и управляется не только локально, но и из центра. Главный шанс получить большое финансирование выпадает, когда старинный город готовится к очередному юбилею. Выделенные под празднование федеральные деньги, однако, считаются одновременно и благом, и проклятием. С одной стороны, именно такие ресурсы нужны для масштабной реставрации и благоустройства. С другой, есть печальные случаи, когда деньги не доходили до города, а начавшиеся строительство, ремонт и реставрация в итоге оказывались заморожены или реализовывались из рук вон плохо (вплоть до угрозы потери ценных объектов наследия).

Как государственные учреждения музеи получают бюджетные деньги и отчитываются о своей работе. Среди основных показателей работы музея – количество посетителей. В среде музейных специалистов известно, что этот показатель крайне ненадежен. Поскольку именно от посещаемости зависят некоторые управленческие решения, музеи заинтересованы в том, чтобы ее завышать. Если исключить прямые фальсификации, то, похоже, наиболее распространенный способ такого завышения – это учет посетителя каждой отдельной выставки в музее как отдельного посетителя музея в целом. Вход в каждый следующий зал превращает вас в нового посетителя. Действует искусная техника «производства посещаемости».

Сильная ограниченность ресурсов приводит к тому, что значительные изменения – например, обновление всей постоянной экспозиции – невозможны. Вместо этого музей меняется постепенно и фрагментарно: временные выставки становятся

Илл. 2. Рабочее место кассира/смотрительницы.

постоянными, ремонтируются и обновляются отдельные залы или даже их части. Получить деньги на такие обновления можно, как правило, благодаря юбилеям и памятным датам или благодаря работе по тем тематическим направлениям, которые поддерживаются государством или частными фондами.

Как происходит расширение музея? Только в редких случаях оно означает создание полностью обновленной экспозиции. Скорее, когда музею выделяются дополнительные помещения (например по случаю юбилея города), старая экспозиция сохраняется и распределяется по увеличившимся площадям. Однако новое пространство заполняется не только подлинными музейными экспонатами, но и временными «бриколажными» объектами, сделанными, по сути, из подсобных материалов. Последние выполняют скорее декоративную функцию, чем просветительскую, – с ними новые залы не кажутся полупустыми. Такие временные решения могут остаться в музее на годы.

Что касается тематических направлений, то, учитывая, что память о войне служит главным фокусом современного «патриотического воспитания», экспозиция может быть расширена за счет создания «Зала воинской славы» на основе еще советских музейных наработок о Великой Отечественной войне. При расширении в такой зал могут включаться и другие «военные дела» – от княжеских дружин и средневековых сраже-

ний до афганской и чеченской войн. Или, скажем, создание новой части музея приурочено к годовщине железной дороги в том населенном пункте, где музей расположен. Такое расширение становится возможным благодаря тому, что местный житель решил отдать в дар музею свою коллекцию связанных с железнодорожной темой объектов. В отличие от крупных музеев, такой подарок в небольшом музее сразу может превратиться в значимую часть постоянной экспозиции, а не просто пополнить недоступные широкой аудитории фонды. Вместе с экспонатами музей получает заинтересованного, хорошо разбирающегося в теме «хранителя»-любителя, который способен консультировать сотрудников и выступать экскурсоводом на добровольных началах.

Не только коллекции энтузиастов и находки краеведов появляются в залах музеев. Даже увлечения местных жителей могут стать предметом музейного интереса. В одном музее, напротив зала, показывающего дворянский быт второй половины XIX века, стояли две вертикальные стеклянные витрины, наполненные декоративными статуэтками слонов. Фигурки были современными и напоминали содержимое сувенирного отдела. Коллекция принадлежала местной жительнице. Такое сотрудничество позволяет музею содержательно разнообразить экспозицию и выполнять планы по количеству временных выставок, а выставляющимся на музейной площадке коллекционерам (в других случаях – ремесленникам, фотографам или художникам) приобрести городскую славу.

Краеведческие музеи пополняются и современными технологиями – например, в них появляются проекторы, планшеты и плоские экраны. Это редко происходит в результате планомерной реализации хорошо продуманной программы по включению в экспозицию мультимедийных технологий. Для государства оснащение культурных учреждений новыми технологиями является естественным шагом в их «модернизации». Закупить технику проще и выгоднее, чем развивать образовательные проекты и продумывать новые подходы к обращению с прошлым (в российских школах в 2010-х сложилась похожая ситуация с «цифровизацией»). Для государства технологии служат символами прогресса и обновления, но не более: за их внедрением редко стоят новые идеи о способах взаимодействия посетителя с музейным пространством и информацией. В итоге мультимедийные устройства – это приятный, но непрошенный подарок. Многие руководители музеев выбрали бы получить что-то более с их точки зрения полезное и решить более насущные проблемы, чем нехватка техники.

Мультимедийные устройства получают конкретное применение в соответствии с местными задачами, условиями и

данными (а иногда и вовсе оказываются ненужными). Экраны используются сотрудниками музеев, чтобы анимировать в остальном статичные залы. Даже простая презентация, например, посвященная усадьбам района, рассматривается как способ погрузить публику в историю – особенно это касается экскурсионных групп, но и индивидуальных посетителей тоже. В презентацию входят старые и современные фотографии, портреты бывших владельцев, имена и даты, иногда цитаты из стихотворений или пейзажи; дополнять изображения может классическая музыка. Цифровизация предоставляет стесненным в средствах учреждениям возможность создавать недорогие проекты, сохраняя материальное наследие в нематериальном виде. Распространенной формой работы становится снабжение важных точек в городе табличками с текстами о находившихся там объектах, старыми фотографиями, QR-кодами, отсылающими к более подробному описанию в интернете. Это посильная задача, которая не требует физического восстановления архитектурных памятников или участия рассказчиков-экскурсоводов.

АЛИСА МАКСИМОВА
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Для государства технологии служат символами прогресса и обновления, но не более: за их внедрением редко стоят новые идеи о способах взаимодействия посетителя с музейным пространством и информацией.)

В исторических городах местные краеведческие музеи встроены в туристическую инфраструктуру. Они связаны с дорогами, причалами, гостиницами и кафе. Порой для того, чтобы доставить туристов на место, нужно преодолеть немалые трудности. Проложить хорошую трассу до города требует огромных вложений и политических решений на высоком уровне. Оборудовать причал для теплоходов, может быть, чуть легче, но для этого все равно необходимы шаги, предпринять которые в городе не всегда кто-то способен. Помимо того, что инвесторы и государство не проявляют интереса к местной инфраструктуре, в организацию туристической логистики вмешиваются природные условия – дожди, превращающие участки уже существующих дорог в топи, или озеро, снова и снова приносящее к причалу массу песка. Приехавших, несмотря ни на что, туристов необходимо попытаться удержать (приезжие часто не доверяют качеству услуг в малых городах и потому не склонны там долго задерживаться), разместить и накормить. В музеях и вокруг них складывается особая экономика времени и внимания:

важно попасть в программы туристических операторов; важно, чтобы туристы не прошли мимо; важно, чтобы интересных занятий для приехавших хватило больше чем на несколько часов.

Часто условия развития туризма зависят от неконтролируемых и изменчивых обстоятельств (политическая и экономическая обстановка, вкусы турагентств, капризы государственной поддержки). В итоге получается, что планы по развитию туристического направления у музеев краткосрочные и, в общем, не очень серьезные. Туристические перспективы слишком туманны, а вот школьники и местные жители со своими детьми – это реальная аудитория, которая никуда не денется. «Честно говоря, – рассказывает директор одного музея в интервью, – выбирая между созданием англоязычной версии нашего сайта и покупкой новых костюмов для новогодних представлений, я остановлюсь на втором».

Музеи считаются примером инфраструктуры, производящей знание. Здесь стоит отметить, что сотрудники краеведческих музеев, как предполагается, должны заниматься исследовательской работой. Как ученым им предписывается иметь какой-то тематический интерес, изучать некоторую проблему – историческую, этнографическую или искусствоведческую, – публиковать статьи и монографии, защищать диссертации, выступать на конференциях. В действительности это мало кому удается и мало кто готов этим вообще заниматься. Формально соответствующие показатели выполняются, но то, что нужно для обеспечения и поддержания научной работы, недоступно. Архивы находятся далеко, поездки для архивных исследований не финансируются. Организационные возможности для проведения научных мероприятий и проектов ограничены. Конечно, поиск информации и научную коммуникацию сейчас облегчает интернет. Но тем не менее среди других задач исследовательская работа в музеях по-прежнему стоит далеко не на первом месте. Главные, насущные задачи – привлечь посетителей, как местных, так и приезжих; обеспечить выживание (сохранить здание и фонды, рабочие места, возможность вовремя платить зарплату, поддерживать снабжение – услуги охраны, электричество, отопление и так далее); найти ресурсы для развития (которое понимается как обновление устаревших экспозиций, оснащения, зданий).

Краеведческие музеи производят знание о месте – не только о его давней и недавней истории, но и о его настоящем. Они – когда намеренно, когда случайно – фиксируют, что происходило и происходит в городе или селе. Через выставки местных художников и/или коллекционеров-любителей они показывают, кто здесь живет и какую роль играет. Музеи становятся центрами работы с наследием и прошлым вообще,

в том числе работы неинституционализированной: если вы не имеющий официального статуса исследователь-любитель, активист или даже просто немного интересуетесь историей. В небольших городах музей – это место, куда стоит обратиться за советом или для поиска единомышленников. Зависимость таких музеев от государственной поддержки и, соответственно, их ориентация на государственную историческую политику, участие в ней в качестве агента «народного просвещения» по-прежнему сохраняются. Но государство имеет ограниченное влияние на вид и содержание краеведческого музея.

Из-за своего неустойчивого, стесненного, бедственного положения краеведческие музеи в малых городах оказываются в ситуации, когда выжить им помогает открытость. Крупные музеи традиционно предстают в качестве цитаделей научного знания – искусствоведческого, исторического или технического. Работающие в них или с ними люди обладают специальным статусом. Сложные квалификационные барьеры защищают систему от непосвященных. Напротив, в маленьких провинциальных музеях институциональные границы, дисциплинарные или тематические рамки и экспертные статусы подвижны и незначительны. На музей никто не смотрит свысока – ни изнутри ни снаружи, – а потому в экспозиции и экскурсии включаются легенды, краеведы-любители на пенсии становятся практически частью команды музейных сотрудников, частные учреждения кооперируются с государственными, а в старинных интерьерах легко проводятся свадьбы и интерактивные программы, собираются клубы рукодельниц, поэтов и садоводов. С ремонтом или уборкой территории, а порой и с созданием новой выставки бывает не справиться без участия волонтеров. В залах можно видеть мирное сосуществование вещей, созданных и привнесенных разными агентами: древнерусский костюм, изготовленный историческими реконструкторами; макеты церквей и чучела животных, сделанные местными мастерами; документальный фильм о деревне, снятый женщиной по собственной инициативе и изначально адресованный ее внукам. Для местных краеведческих музеев характерно менее строгое отношение к мифу, развлечению, ко всему самодельному, любительскому.

В то время как некоторые городские крупные музеи принимают установку на открытость разным аудиториям или местному сообществу по соображениям идейного характера, краеведческие музеи приходят к тому же вследствие своих организационных и материальных условий. Более того, музей и окружающая его среда – люди, природа, постройки – не только включены в практики выживания, но и просто живут совместной жизнью. Когда территория сельского музея – это опушка леса, люди приходят в музей собирать грибы.

Краеведческие музеи похожи на многие другие инфраструктуры в России. На протяжении последних ста лет они пережили как периоды большого внимания и поддержки со стороны государства, так и периоды забвения. Они сформировались в советское время как мощная система, символически связывающая огромную территорию и репрезентирующая для населения общее прошлое и совместное настоящее. Но с тех пор эта система устарела и постепенно разрушается. Хотя краеведческие музеи до сих пор ценятся, а их образовательное и культурное значение не вызывает сомнений, нет ни стимула, ни ресурсов, чтобы существенно изменить их жизнь. Но изменения все равно происходят – время от времени, фрагментарно, за счет разнородных подручных материалов. Изменения – это и поломки, сбои, потери, но и ремонт этих поломок, отладка и спасение. Как мы видим, существование музеев возможно благодаря усилиям на местах – как уже вовлеченных институтов, людей, объектов, так и неожиданных агентов, случайно оказавшихся помощниками и союзниками. Усилия, предпринимаемые сверху, хотя и весьма важны, порой неадекватны и не учитывают реальность музеев. Малый размер и неустойчивое положение краеведческих музеев приносит много проблем, но одновременно дает пространство для маневра вне поля зрения больших институтов и властей, позволяя творчески использовать любую появившуюся возможность.